

Встречу с таким актером предвкушаешь как событие торжественное и волнующее. Для разговора с ним необходимы особый душевный настрой, напряжение мысли и тщательно выбранная тональность. Сергей Юрский не только принял на себя роль камертона в нашей беседе, но и, что случается чрезвычайно редко, сам задал ее тему. Впрочем, это верная примета: если большой актер охотно соглашается на интервью — значит ему есть что сказать.

— Вы готовились к разговору со мной, но и я о многом размышлял перед приходом сюда, и хотел бы для начала произнести небольшую, аступительную речь. Отправной точкой для меня послужило название вашей газеты — «Культура».

Итак, я оттолкнулся от слова «культура». Я не верю в то, что красота спасет мир. Это всего лишь фраза — затасканная и, по-моему, глубоко ошибочная. Такая же, как сентенция о «слезе ребенка», не сходящая с языка самых жестоких людей. Произносить вслух подобные вещи безразлично. Всем известно, что ежедневно рядом с нами не просто плачет, а страдает и умирает множество детей. На такое лицемерие способен либо идиллот, либо человек без стыда и совести. Наверное, сам Достоевский не претендовал на канонизацию своих высказываний.

Мир, конечно же, нуждается в спасении. К концу тысячелетия мы подошли с целым набором катастроф. И я глубоко убежден: мир спасет культура. Заметьте, я подчеркиваю — не искусство! Не прыжки балерин, не живопись, не музыка. Культура, в моем понимании, есть разум человечества, опыт предыдущих поколений, вековая мудрость, настаивающая на необходимости самоограничения. Лозунг — «Давайте ограничивать себя!» — ничего не даст. Каждый захочет, в первую очередь, ограничить соседа. Но если мы не станем всякий раз начинать жизнь и историю с нуля, а воспользуемся знаниями предков, — это и будет проявлением подлинной культуры.

Свобода, пришедшая к нам с опозданием не на семьдесят лет, а, как минимум, на триста, если не на тысячу, обнажила в людях худшие черты, привела в действие самые отвратительные механизмы. Я люблю свою страну. Тем обиднее мне видеть ее деградацию. Получается простая логическая цепочка: сама по себе свобода прекрасна, но последствием ее могут быть страдания. Культура — это ограничение в человеке и обществе всего дурного, разрушительного, то есть, в определенной степени, — ограничение свободы. Вот, собственно, о чем мне хотелось сказать. На сегодняшний день для меня не существует более болезненной темы.

— Я часто перечитываю вашу книгу «Кто держит паузу». Насколько я понимаю, пауза для вас — это момент наиболее активного действия, но действия подспудного, скрытого. Воспринимаете ли вы нынешнее время как паузу? Кто ее «держит», и чем она заполнена?

— Говоря о насыщенности паузы, я имею в виду тот пик спектакля, когда актер уже подготовил почву для зрительского домисливания. Такой паузе обязательно предшествует большая работа. Мы же пока сделали очень мало, поэтому у нас не возникает потребности остановиться и молча поразмышлять. Наша жизнь сегодня переполнена как раз внешней театральностью. Я вижу суету, фальшь и огромное количество масок. Плохие актеры скверно играют чужие роли. Демократы прикидываются тем, что по природе своей чужд всякой демократии. (У меня самого тоталитарное мышление, но я, по крайней мере, не играю). Их антиподы — монархисты — тоже отнюдь не являются людьми, готовыми склонить голову перед высшим авторитетом. Каждый из них стремится, прежде всего, к самовозвышению.

Несколько лет назад, в разгар перестройки, нам наперебой давали советы из-за рубежа, и один швейцарец по паспорту, русский по рождению, опубликовал статью, смысл которой сводился к следующему: административно-командная система принесла России столько горя, что было бы глупо просто отказаться от нее, не попытавшись использовать ее громадный потенциал. Мы пошли по другому пути, загнали болезнь внутрь. Она, как заноза, будет еще долго нарывать, бороться с ней стало значительно сложнее.

Мы с вами только что наблюдали локальный кризис на уровне нашего театра: в буфете не во что налить кофе, актеры растащили стаканы по гримеркам. Причина — отсутствие культуры. То же самое происходит в масштабах стра-

капей, формируют сознание людей, влияют на психику. Во времена свободы, доведенной до абсурда, каждый балуется этими рычагами, как ему вздумается.

Общественное мнение сегодня поражено двумя вирусами. Первый из них — снобизм. Сюда же относится чрезмерная эстетизация, которая как раз и притупляет острое восприятие жизни. Эротические танцы мне не только сегодня

суммы с помощью интонации: произносить их восторженно, равнодушно, пренебрежительно. Точно так же я свободен вкладывать в старые понятия новый смысл, варьировать соотношение печали и радости, создавать настроение, соответствующее температуре жизни. В идеале зритель должен быть доволен, что именно сегодня посмотрел мой спектакль.

— В своих литературных

— А кого перечитываете для себя, для успокоения?

— Успокаивают Чехов, Булгаков. Чтобы поставить себя на место, очень полезно — две-три страницы из Библии. И вам настоятельно советую, — если все складывается до отчаяния плохо или фантастически удачно. Это страшная книга. Она очерчивает перед тобой гигантский круг жизни и показывает, какое крохотное место ты на нем занимаешь.

— Вы вошли в театральную историю как один из самых знаменитых Чацких. По-моему, в жизни вы остаетесь им до сих пор. Можно ли, хоть в какой-то степени, считать Чацкого героем нашего времени? О чем вам хотелось бы сказать сегодня, выходя на сцену в «Горе от ума»?

— Это очень конкретная пьеса. В ней точно выписана каждая нота. Можно подвергать партитуру обработке, аранжировке, менять темп, но переписывать ноты нельзя. Все сказано в заглавии. Должен быть ум. И непреодолимая стена. Грибоедов дал русское подтверждение старинной мудрости: приумножая знание, приумножаешь скорбь. Это верно на все времена.

— Мне кажется, современные Чацкие разучились любить, как, впрочем, и Фигаро, Арбенины, даже Дон Жуаны... Вы принимаете Чацкого без любви?

— Нет. Отсутствие любви обесмысливает пьесу так же, как отсутствие горя или отсутствия ума. Без этих трех компонентов спектакль распадается. Любовь Чацкого к Софье — залог чистоты его мыслей и поступков. Если мы сегодня стесняемся вывести на сцену чистого человека, то нам уже поздно говорить о закате. Дело к полумночи.

— Значит, ограничения необходимы и в творческой свободе!

— В первую очередь. Посмотрев прошлой осенью десяток два спектаклей, я пришел к грустному выводу: на сцене все больше постановочной фантазии и все меньше полета души. Психофизическая техника утрачена актерами почти до исчезновения профессии в принципе. Актеры внутренние растеряны. В их игре нет зажима, но и смысла тоже нет. «Зажим» ведь зачастую возникает от недовольства собой, как результат мучительного духовного поиска. Играют мимо нот, без правил, не считаясь с автором. Все это произвело на меня такое впечатление, что я захотел выяснять первопричину. Провел в ГИТИСе, с незнакомым мне актерским курсом, пятидневный семинар «Технология дебюта». Для меня было важно лишь начать с ними Шекспира, Лессинга, Чехова, Ионеско, чтобы посмотреть, как молодые актеры сегодня входят в работу. Мои предположения полностью подтвердились. Отношение к драматургии — сугубо потребительское. «Почему вы так играете?» — «Потому что так еще не было». В наши свободные времена это вполне законный ответ. Каждый спешит придумать новую «трактовку» и быстрее ее сожрать. «Вот черт! Она уже сыграла Елену Андреевну наркоманкой и проституткой. Кем же мне ее сделать? Может, нимфоманкой?». И никому не приходит в голову, что Чехов был доктором и знал жизнь не хуже нас. Если бы ему понадобилось в пьесе проститутка, он бы ее и написал, литература тогда тоже была достаточно свободной... Своеволие — опаснейший элемент деградации театра. Я не вправе ничего требовать от этих студентов, но я предвижу прискорбные последствия.

— Вы не чувствуете свою ответственность за происходящее?

— Конечно, чувствую. Я ведь тоже в молодости считался разрушителем классического театра, «модернистом». Но теперь я готов кричать: меня неправильно поняли! Я этого не хотел!.. Разумеется, все скажут, что Юрский просто стал старым реакционером. Тем не менее я пытаюсь разобраться, где же все-таки установлен предел своеволия, за которым права автора неприкосновенны.

— Наверное, вы теперь редкий гость в театральном зале?

— Мне стало очень дорого вечернее время. Я хочу иметь его в своем полном распоряжении. Но для чего-либо конкретного, хотя из спокойного бдения над книгой по вечерам что-нибудь может и выкристизироваться. Всякий раз, чтобы пойти в театр, я должен совершить над собой усилие. Меня восхищают люди, тратящие сегодня на театр время и деньги. Поэтому после каждого своего спектакля я раскланиваюсь перед зрительным залом с искренней благодарностью.

Беседу вела Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.

Сергей Юрский:

«КУЛЬТУРА ЕСТЬ ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ»

Культура: 1993. — 6 марта. с. 3.

не ко времени, я в них и в молодости не нуждался. Другой наш бич — сенсационность. Информационные программы работают по принципу: не сенсацию не стоит и обнародовать. Естественное течение жизни интереса уже не вызывает. Причем нынешняя сенсационность имеет ярко выраженный уклон. Возникла гениальная идея — не сенсация. За идею заплатили 500 миллионов долларов в Йенах — сенсация. Я все жду, когда в театре со сцены объявят: «Три сестры». Спектакль по пьесе Антона Чехова с призовым фондом в пять миллионов. Зритель, правильно угадавший финал первого акта, прямо в зале получит стиральную машину...»

Если бы мои претензии к прессе сводились к личным обидам, поверьте, я бы не стал начинать этот разговор. Но мы создали уникальное общество. Во всем мире люди, посещающие театры и читающие книги, сконцентрированы в какой-то одной точке, обычно в столице. У нас это 5—7 проц., то, что мы понимаем под словом «интеллигенция», — тонким слоем были размазаны по всей поверхности страны. Везде чувствовали себя чужими, но везде присутствовали. Разложить этот слой, наркотизировать его через прессу, радио, телевидение — нетрудно. Безнаказанное баловство может привести к трагедии. Какие ценности у нас останутся, если исчезнет интеллигенция? Вероятно, только нефть.

— Сергей Юрьевич, в какой степени выбор того, что вы читаете с эстрады, ставите или играете на сцене, зависит от «духа времени»?

— Прямой зависимости, конечно, нет. Искусство, в отличие от нашей жизни, не подвержено ежедневным переменам. Театр стоит на вечных китах: мораль, совесть, просветительство. Но в то же время театр — это действующая модель жизни. Сила и прелесть актерской профессии заключаются именно в том, что она способна впитывать воздух сегодняшнего дня. Например, мне говорят, что у Гоголя в тексте много чисел — столько-то тысяч выиграл, столько-то заплатил, — деньги падают, надо бы индексировать. Но я верю, что в числе Гоголя, в самом их звучании есть особая магия, которую нельзя нарушать. Зато я могу «индексировать» эти

программах вы с легкостью совмещаете произведения разных эпох — от пушкинской до зощенковской. Спектакль «Игроки-XXI» и фильм «Чеглов-Чернов» показали, что игра со временем и пространством доставляет вам особое удовольствие. Чем вы оправдываете такое свободное обращение с ними?

— Сохранением основной идеи. Мы снимаем сейчас на телевизионный спектакль «Орнифль, или Сквозной ветерок». Для роли Орнифля я уже староват. В пятидесятые годы, когда была написана пьеса Ануя, в Париже входили в моду денди. Представьте: я в смокинге, бабочке, гладко выбрит, надушен и — старый. Для Орнифля не годится. Поэтому я смещаю время к восьмидесятым. Теперь Орнифль может быть «художественной натурой» — небрежным, неряшливым, как видите, хронически небритым. Тема сохраняется. Это донжуановский вызов обществу. Опять же, изысканный эротизм меня не интересует. Для меня важна классическая, кондовая трактовка Дон Жуана в нашем литературоведении: мудрец, не нашедший применения своей мудрости. Не пошла, а человек, понявший пошлость мира и спрятавший от него свои сокровища. Но, как правило, мне всегда хорошо во времени, предложенном автором, потому что я стараюсь выбирать авторов по душе. Неуютнее всего в современности. Правда, мне нравятся писатели авангарда, но у них иногда бывает трудно отличить талант от шарлатанства, их бросает из одного в другое. Лучшее всего я себя чувствую в относительно недавнем прошлом — у Шукшина...

— Существует ли литература, которую вы не решаетесь читать с эстрады?

— Это очень объемный список. Я почти не касался Шекспира. Привлекает Набоков, но только не «Лолита», мне кажется, я раскусил, что это не серьезная книга, а пародия. Я тут выступал против эротизма, выставлял себя пуританином, но, между прочим, одно из моих сильнейших потрясений последних лет — Генри Миллер. Он опрокинул привычные для меня представления о жизни, мне еще придется с ним побороться, чтобы восстановить душевное равновесие.